

МАРК БЛОК: ОБРАЗ ИДЕАЛЬНОГО ИСТОРИКА И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ

Автор статьи анализирует тематические ориентации как научных, так и общественно-политических дискуссий, связанных с именем, профессиональными трудами и биографией известного французского историка Марка Блока.

В современной французской историографии существуют дискуссии, которые, отталкиваясь от многократно повторенной темы «кризиса истории», выходят за рамки простой констатации неудовлетворительного тона дисциплины, чтобы произвести ревизию наследия науки и найти в ней ориентиры, способные помочь современному историку заново сформировать свою идентичность.

Одним из ключевых объектов этой трудной рефлексии, и особенно во Франции, стало движение Анналов. Само изложение истории данной традиции претерпело в отмеченный период существенные изменения. Импульс к переосмыслению устоявшихся деклараций движения и его оценок исходил из сердца самого журнала, что было во многом связано с деятельностью «четвертого поколения» редакторов, отличающегося, по мнению Ж.П. Эрубеля, более «рефлексивной манерой» в восприятии наследия, впитавшего новые подходы, дискуссии и методы современных гуманитарных наук [1. С. 3]. Показательными в этом отношении стали статьи, написанные в честь пятидесятилетия журнала, где вместо полагающегося юбилею торжественного перечисления достижений из истории Анналов А. Бюргьер предложил читателям «вернуться к источникам, чтобы попытаться отделить эту историю от легенды, которая нам была передана и которую мы сами подпитывали» [2. С. 1348], а Ж. Ревель утверждал, что настоящей истории Анналов пока не существует, поскольку большинство посвященных им работ исходят от дискурса, который Анналы поддерживали о себе сами, отмечая прежде всего преемственность и связность развития, и пытаются это иллюстрировать. «Постулируют существование школы там, где есть, главным образом, движение, восприимчивость, стратегия, деятельность, мало стесненная сущностью теоретических определений...», но оставляют за рамками рассмотрения действительную социологию движения, его последовательные и умножающиеся сплетения, которые с течением времени приобшались к Анналам [3. С. 1362].

В 1980-х гг. дискуссия о прошлом, настоящем и будущем Анналов выплеснулась далеко за пределы самого журнала и приобрела более критическую направленность, сосредоточившись на линиях «преемственностей» и «разрывов» между поколениями, специфике письма анналистов, проблемах институализации и социальной стратегии, императивах исследования и не сложившихся, в ситуации очевидного доминирования движения, траекторий развития... К середине 1990-х гг. целый ряд тематических линий, связанных с опытом движения, сфокусировались на личности и трудах Марка Блока, проявляясь, главным образом, в частоте упоминаний и прямого цитирования.

Конечно, можно говорить лишь о символическом его возвращении: формально, как «отец-основатель» Анналов, автор блестящих исторических сочинений, герой

Сопrotивления – он никогда не исчезал полностью с горизонта послевоенной французской историографии. Марк Блок как классик французской медиевистики постоянно присутствовал в дискуссиях по целому ряду специальных проблем аграрной истории и феодальных отношений. Тем не менее, автор недавно появившейся и во многих отношениях новаторской монографии, проблематизирующей интеллектуальное наследие Блока [4], О. Дюмулен заявил, что после церемонии июня 1945 г. в Сорбонне его фигура постепенно «обесцвечивается» в Анналах, обнаруживая расхождение между изъявлениями преданности и реальным пониманием его идей. Люсьен Февр стремился увековечить память друга, но позднее «культ святого ученого и мученика-сопротивленца больше не выполнял той инструментальной роли, какую приписывают ему некоторые комментаторы, дабы объяснить определенные ритуальные упоминания двадцати лет, последовавших после его смерти» [4. С. 27].

Анализируя индексы цитирования, О. Дюмулен отмечает, что до начала 1960-х гг. ссылки в публикациях на основателей Анналов почти неразделимы, позднее значительно чаще упоминается Л. Февр, а М. Блок присутствует, главным образом, в паре со старшим партнером, в перспективе превращаясь в его безмолвную тень. «Небольшими прикосновениями вырисовывается портрет, ставший классическим...; портрет Марка Блока, идеи которого, несмотря на объявленные расхождения, неопровержимо отсылаются к концепциям Люсьена Февра, и работа которого проясняется и понимается, начиная с Анналов» [4. С. 120].

В 1970-х гг., прошедших под знаком «новой истории» (*nouvelle histoire*), возрастающий идейный разрыв между Блоком и его преемниками был отмечен предисловием Жоржа Дюби к новому изданию «Апологии истории», охарактеризованной как «великий текст, который устарел. Он разочаровал. Немного слишком фетровый, шепчущий», принадлежащий тому, что «сегодня мы можем оценивать как устаревшую толщину традиций и привычек» [5. С. 13]. О. Дюмулен полагает, что и другие тексты Марка Блока не являются для «третьего поколения» более значимыми: «в сердце 1970-х годов “новая история” видит себя, прежде всего, дочерью Люсьена Февра, история ментальности... воссоздает свою генеалогию, главным образом, начиная с его “Рабле”, “Короли-чудотворцы” едва упоминаются» [4. С. 25]. В данном выводе, безусловно, есть момент преувеличения, поскольку, по меньшей мере, часть «новых историков», рассуждая о преемственности в Анналах в связи со становлением истории ментальностей, отдают приоритет историческим работам Марка Блока. По словам того же Дюмулена, Марк Блок «поддался очарованию абсолютного доминирования группы, в то время как его партнер уделяет внимание, всегда более острое, диалектике, которая объеди-

няет и разъединяет индивида и группу» [4. С. 104]. Ле Руа Ладжори, увлеченный структуралистскими методами и рассуждая об их становлении во Франции, в своей вступительной речи профессора Коллеж де Франс в 1973 г. произносит: «Еще полвека назад лучшие французские историки, систематически систематизирующие, от Марка Блока до Пьера Губера, практиковали структурализм со знанием дела или иногда его не зная, и слишком часто без того, чтобы он узнавался» [6. С. 11].

А. Бюргьер, анализируя пути развития истории ментальностей, приходит к выводу, что в качестве основной перспективы направление исследований, предложенное Февром, получило продолжение, скорее, в интеллектуальной истории. Но исследования скрытых ментальных категорий, вдохновляющих социальное поведение, неосознанных и машинально повторяемых действий – «этот выбор содержится, прежде всего, в том факте, что программа Блока была более реализуемой, он был, в общем, много более связан с использованием источника и нашел лучшее применение в социальной истории» [7. С. 71].

Ж. Нуарьель, также констатирующий, что «преемники Марка Блока не приняли его наследия» [8. С. 91], уточняет свою позицию, относя этот вывод в основном к проблематике «Апологии истории», объясняя данную коллизию эпистемологическим поворотом начала 1970-х гг., сместившим акценты исторической рефлексии с определения специфических оснований деятельности историка на процедуры «написания» истории. Автор иллюстрирует широту изменения профессиональной перспективы, представив выборку понятийных предпочтений, фигурирующих, с одной стороны, в указанном тексте Марка Блока, с другой стороны, в знаменательном произведении Поля Вейна «Как пишут историю» [8. С. 103]:

Марк Блок	Поль Вейн
Профессиональная практика	Дискурсивная практика
Научная истина	Интрига
Коллективная работа	Индивидуальное сочинение
Коммуникация	Вдохновение
Дисциплинарная специализация	Междисциплинарность
Солидарность	Основание
Связь	Разрыв
Естественный язык	Теоретический язык
Отдавать отчет	Свобода мысли
Труженик	Автор
Метод	Личная философия

В новой системе ценностных ориентаций историка проблемы, когда-то беспокоившие Блока, действительно теряют всякую актуальность. Взамен приходит колоссальное разнообразие подходов и систем объяснения, множатся объекты и стили анализа.

Интеллектуальная конъюнктура возвращает в историю проблематику «ремесла» и «метода» во второй половине 1980-х гг. вместе с сознанием утраченной профессиональной общности. Стилистика революционных заявлений больше не находит сочувствующих, болезненно ощущается разрыв между историческим исследованием и преподаванием истории, «вспоминаются» старые историографические мотивы. В этих обстоятельствах наследие блестящего Люсьена Февра – обладателя непримиримого к противникам, хлесткого пера – начинает уступать, во всяком случае, по индексам цитирования, свое

влияние трудам лаконичного и восприимчивого к вопросам личной и профессиональной этики Марка Блока. К середине 1990-х гг. воссозданный частыми упоминаниями образ Блока заслонил Февра. Странная историографическая судьба преследует двух партнеров: в начале 1970-х годов Ханс Дитер Манн составил интеллектуальную биографию Л. Февра, почти не обращаясь к Блоку [9], а на рубеже 1980 – середины 1990-х гг. были изданы две биографии М. Блока, парадоксальным образом не оставивших места для Л. Февра [10, 11].

В настоящее время фигура великого медиевиста в едином фокусе собирает ныне целый комплекс насущных вопросов. Главный из них связан с поисками легитимных оснований профессиональной деятельности историка, все более и более независимой, самодостаточной, но также вызывающей сомнение в ее общественной нужности, – то есть с тем кругом проблем, которые стали в свое время темой «Апологии истории». В 1993 г. ее новое дополненное издание Ж. Ле Гофф сопровождал предисловием, которое содержало пожелание: «надо вновь отправляться от этой книги» [12. С. 31]. Сборник «Passes recomposes», подводящий итоги развития исследовательских практик истории за последние двадцать лет и составленный из статей многих авторов, по разным поводам цитирует Блока значительно чаще других [13]. А. Про в книге «Двенадцать уроков по истории», предназначенной студентам – будущему науки, пишет: «До конца 1980-х гг. методологическая рефлексия об истории проходила во Франции как ненужная. Один только Марк Блок со своей «Апологией истории» пытался объяснить ремесло историка» [14. С. 8]. Ж. Нуарьель в своем труде «О кризисе истории», предприняв убедительный анализ интересующих его аспектов «Апологии истории», также апеллирует к Блоку за поддержкой, видя в его теоретических изысканиях возможный путь преодоления атомизации исторического знания.

Все эти книги внушают понимание того, что в первую очередь история должна осознать себя в качестве социальной практики и уже потом рассуждать о себе как о научной дисциплине. Историк должен разобраться в том, что для него наиболее естественно, что он и без предварительного размышления имеет привычку делать в рамках профессиональной группы, ее практик и эволюции. «Существуют группы историков, которые заявляют о себе традициями, создают школы, признают основополагающие правила своего ремесла, соблюдают деонтологию, практикуют ритуалы инкорпорации и исключения» [14. С. 13], и, следовательно, могут подвергаться социологическому анализу. Значительно ранее широко известных работ П. Бурдьё, вслед за монографией Макса Вебера [15] и впервые во Франции, эта тема теоретически осмыслялась Марком Блоком в «Апологии истории».

Можно взять за основу современных рассуждений о проблематике «Апологии истории» размышления Ж. Нуарьеля. Учитывая трагический социальный контекст, в котором создавалась так и не получившая завершения книга, он объясняет ее появление и причинами сугубо эпистемологического порядка, как ответ на интеллектуальные вызовы начала XX в. в момент первого «кризиса истории».

Даже в отсутствие прямых свидетельств специалисты по Блоку заключают, что он был в курсе дебатов о

статусе истории, проходивших еще до Первой мировой войны, в которых обретали силу немецкий позитивизм и герменевтика [16. С. 419–431]. Несмотря на принципиальную непримиримость противников и те и другие считали возможным выявить общие основания исторического и, шире, гуманитарного знания. Миссия по производству универсальных критериев доверялась ими философам-теоретикам, не практикующим те эмпирические дисциплины, судьбу которых они должны определить. Данная общая позиция нашла своих критиков, в том числе Макса Вебера, который утверждал, что для историка знание эпистемологии не более обязательно, чем знание анатомии для того, чтобы научиться ходить [17. С. 220].

Во Франции того же времени дебаты о природе и призвании истории противопоставили историков-«методистов» и философов-социологов. Знакомство с этими дискуссиями позволило Марку Блоку, по выражению Ж. Нуарье, «отбросить не позитивизм, но позитивизмы» [18. С. 10]: в этот спектр «позитивизмов» попадали и последователи Э. Дюркгейма, верившие, что история может быть наукой того же плана, что и науки о природе, и «методической» школой, которая вообще отрицала в истории, не способной выводить универсальные законы и отношения, качество науки, тем самым на свой лад утверждая принципиальность в духе О. Конта.

М. Блок находился также под впечатлением концепций, пришедших из современной ему физики [16. С. 425–426], убедительно показавших, что и в точных науках опытным путем полученные результаты во многом конструируются заранее характером задачи, поставленной исследователем. Таким образом, неопределенности в плане обретения истин в истории, других гуманитарных науках наслаивались на релятивизм науки как таковой, отражая неспособность философии познания выделять его общие критерии, и привели Марка Блока «к идее, что лучший способ размышлять об истории – не поощрять дискуссию о предмете дисциплины, но интересоваться практиками историков» [18. С. 10].

Ратуя за необходимую множественность научного познания, он отвергал любую попытку империалистического захвата соседних областей исследования, особенно с помощью заимствованных «извне» абстрактных принципов, часто используемых лишь с целью «дискредитировать как «ненаучные» способы действовать, в которых эти принципы не разделяются или неизвестны».

Данный вывод ценен для Ж. Нуарье, размышляющего о кризисе истории, поскольку по прямой аналогии отсылает нас к ситуации рубежа 1980–90-х гг., когда пропасть между теоретиками и практиками истории становится почти непреодолимой и неотразимым средством критики является упрек в «эпистемологической наивности». Историки пытаются защищать себя внутренними сносками на видных теоретиков гуманитарного знания, о чем свидетельствует, в частности, анализ фигур речи в текстах «новых историков», предпринятый Ф. Кэррэдлом [19. С. 154], но в действительности участвовать в теоретических дискуссиях и одновременно синтезировать это участие в профессиональную практику, как правило, не удается.

Марк Блок не отвергает право философии как особой сферы познания на существование. Речь шла только

о том, что «историки не могут требовать от философии «гарантий», способных узаконить знания, которые они производят» [18. С. 10–11]. Историк может обращаться к философской теории для решения какой-либо конкретной задачи, подчиненной определенной цели. Но поиск профессиональных оснований должен начинаться с собственной компетенции историков, собранной в той эмпирической работе, которую они проводят, чтобы понять миры, отличные от их собственного.

Так, откликаясь на самый продолжительный дебат истории по проблеме исторической истины и способов верификации, Блок переводит ее из разряда философских в практическое, социальное измерение. Исторический факт может рассматриваться как истинный, если он признан в качестве такового специалистами. Это не отменяет возможностей его пересмотра, уточнения или оспаривания, но работа историка должна обязательно получать коллективную оценку и признание. Способность данного профессионального сообщества разрабатывать и поддерживать общий язык, сохранять цеховые критерии выводит историю из ранга литературных занятий и является единственным способом автономного производства исторической истины.

Отсюда то значение, которое придается в «Апологии истории» вопросам коммуникации исторического знания. Это постоянное внимание к коллективному измерению работы историка проявляется в заботе о профессиональном языке, который должен быть понятен всем историкам, общим правилам критики источников, тому «историческому методу», который позволяет размещать приоритеты «истинного» и «ложного» в истории.

Ж. Нуарье выделяет две идеи «Апологии истории», которые, на его взгляд, являются центральными. «Первая состоит в постоянном отказе у Марка Блока смешивать ремесло историка и ремесло «прокурора»; ...что приводит его к отрицанию того..., что он называет «манией приговора», подразумевая толерантный, «понимающий» стиль мышления, далекий от поиска правых и виноватых. Вторая придает большое значение ...тому, что можно назвать «профессиональной этикой», вынуждающей историка ««держать отчет» перед своими читателями». Обе эти характеристики, совмещает в себе «приговор специалистов», процедуры которого – защиты диссертаций и прочие традиции коллективного посвящения или отторжения – удостоверяют уровень профессионализма, дополняя собой исторический метод.

Рассуждая о дисциплинарной идентичности, М. Блок придерживается сбалансированной позиции в отношении соседних областей знания: с одной стороны, «исторические исследования не страдают от автаркии», историк имеет потребность в диалоге со смежными дисциплинами, но, с другой стороны, нужно избегать в исторических исследованиях прямых заимствований чуждых понятий и теорий. М. Блок рассуждает о междисциплинарности в терминах осторожного усвоения: нужно «переводить» достижения одной науки на язык других, адаптируя пришедший извне опыт к потребностям «своего» знания.

Другая часть ремесла историка, не менее значимая и обеспечивающая ему признание, связана с взаимодействием истории и общества. Блок подчеркивает, что его главная цель – объяснить, «прежде всего, как и почему исто-

рик занимается своим ремеслом, чтобы читатель решил, заслуживает ли это ремесло того, чтобы его осуществлять» [20. С. 74], добиваясь, естественно, утвердительного ответа. Но здесь нужно различать «*легитимность*» ремесла, дающую историку законное, в том числе моральное право заниматься тем, чем он занимается, и «*полезность*» ремесла в системе общественного разделения труда. Легитимность ремесла обеспечивается вкладом в развитие человеческих знаний, требующим особой компетенции, специально и в течение длительного времени приобретаемых навыков, и, следовательно, ограничивая круг лиц, способных им заняться. Имея статус особого и непростого ремесла, историки имеют право претендовать на высокий уровень внутренней автономии.

В то же самое время историческое исследование всегда чувствительно к вопросам и проблемам общества, в котором оно укоренено. Знания о прошлом, согласно Блоку, должны быть еще и полезными, помочь человеку «жить лучше». Деятельность историка и общество связаны многими, с трудом поддающимися артикуляции взаимосвязями: это цена за сложную работу перевода с одного языка на другой, которую историк вынужден производить, чтобы совместить научные занятия и вызовы мира, который его окружает. Если он отталкивается от вопросов, рожденных внешней для ученого сообществом социальной средой, чтобы задействовать эти импульсы в своем исследовании, он должен преобразовать их в задачи, соответствующие научным требованиям дисциплины. И наоборот, чтобы представить свои результаты на суд общественности, он должен адаптировать для нее свой научный язык. В этой части его призвание имеет много общего с журналистикой. Но историк вместо того, чтобы судить и обвинять (или извинять), старается «объяснять, мобилизуя орудия, которые совокупность социальных наук придумала, чтобы изучать социальный мир, и разыскивая ответы на вопросы, которые были разработаны коллективно специалистами рассматриваемой области» [18. С. 17]. Именно «переводя» свои исследования на общедоступный язык, историк участвует в формировании коллективной памяти.

Линия солидарности сообщества историков, обозначенная «Апологией истории», очень созвучна «прагматической перспективе», которая берет начало в знаменитой статье «Анналов» 1989 г. о «критическом повороте» в истории [21]. Одним из способов развития идей Марка Блока в данном русле Ж. Нуарьель считает «прояснение повседневных профессиональных практик» [8. С. 191–203], содержащее несколько связанных элементов:

- пора перенести дискуссии с рассуждений об основах знания на другие аспекты исследования;
- развивая междисциплинарность, необходимо доказывать на языке своей науки полезность произведенных заимствований;
- разным специалистам необходимо чаще работать над коллективными проектами;
- создавать новые общности, но при этом четко проговаривать всю последовательность необходимых действий – не только «что делать?», но и «как делать?».

Автор отмечает и трудности прагматической перспективы. Одна из них связана с существующим разделением на «публичный» и «частный» исторические дискур-

сы: общество довольно жестко регулирует намеренные проявления субъективности историка, без учета которой невозможно рассуждать о собственной профессиональной практике. Неудивительно, что большинство автобиографий и эгоисторий пишутся в финале состоявшихся академических карьер.

Другая сложность заключается в том, что историк не может поддерживать связный дискурс о своей практике, не опираясь на язык и ссылки той же философии. Заимствуя чуждые источники, историк рискует натолкнуться на проблему непонимания с коллегами.

Прагматический проект вынужден «демистифицировать демистификаторов», т.е. спорить со всеми интеллектуальными течениями, которые пытаются опровергнуть нормы исторического познания, объявив, что социальное не существует, заменив «истины» на «интерпретации» и т.д.

Призыв уважать язык своего сообщества может быть воспринят как боязнь интеллектуальной конкуренции, более того – как подавление права науки на демократическое развитие и права ученого на интеллектуальное самовыражение.

Обсуждение прагматической перспективы развития исторической науки продолжается.

Другой пласт наследия Марка Блока связан с недавним становлением так называемой истории современности. А. Руссо, стремясь представить движение французской историографии к институализации данной области знания, первым цитирует Блока. «Все-таки, в “Странном поражении” Марк Блок проявляет себя как историк настоящего времени со сверкающей ясностью, он представляется там как историк, то есть как ученый, вооруженный критическим методом, обязанный интересоваться жизнью и, значит, отбросить иллюзию, что прошлое мертво, но также как свидетель, который говорит о своем опыте и который бросает взгляд на свое собственное время» [22. С. 28].

Анализ биографии и книг Марка Блока выводит У. Рольфа еще дальше, на размышления о своеобразии историографии XX в. в целом.

Если историческая наука XIX в. нашла себя в политической и национальной истории, исследовала логику происхождения, то в двадцатом столетии она была одержима настоящим – с его колоссальной событийной наполненностью, его возрастающим давлением непредсказуемого ближайшего будущего, формирующими очень сложные, интенсивно мыслимые, но крайне неуверенные представления. Они достигаются случайно и оставляют у современника чувство, что в сердце настоящего в этом веке существует тайная болезнь. Это чувство часто проявляет себя в форме парадоксального отказа от истории вообще. Как бы ни воплощала себя традиция неприятия истории в XX в., под какими бы идеологическими знаменами она ни пряталась – она неизменно обнаруживает под собой «тоталитарный презентизм нашего столетия – вот убеждение, которое только начинает медленно проявляться. Какая другая эпоха насчитывает столько врагов среди наиболее выдающихся своих мыслителей? Однако, и это парадоксально, некоторые из них составляли часть лучших историков своей эпохи...» [23]. Но независимо от характеристик мышления «историк XX века составляет часть того образа, который пытается создать».

Марк Блок тоже, с точки зрения автора, не мог избежать настоящего, но и не стремился к этому, посвятив современным ему событиям «Записки о Первой мировой войне» и упомянутое ранее «Странное поражение». С точки зрения автора, уже в «Записках...» юный Блок воспринимает войну как сорт лаборатории, которая позволяет историку проверять эффективность восприятия и обработки исторической информации» [23. С. 26]. Анализируя «Странное поражение», У. Рольф приходит к выводу о том, что Блок выступает в книге в качестве «свидетеля перед будущим трибуналом», но также видит «в событии, которым была война – с ее хаотической серией событий, характеризующихся катастрофическим возрастанием, – вызов для исторического знания» [23. С. 35].

Обращает на себя внимание тот факт, что, оказавшись по воле интерпретаторов на перекрестке различных потребностей современной эпохи, ищущей полезных уроков прошлого, «Странное поражение» и даже концепция ремесла историка Блока может довольно ощутимо менять свой смысл. Ж. Нуарьель, сосредоточившийся на «Апологии истории», пишет о «понимающем», далеком от функции прокурора ученом, объясняя эмоциональный, обвиняющий тон «Странного поражения» тем, «что это говорит гражданин, мобилирующий все ресурсы политического языка, обличая ответственность тех, кто привел страну к поражению» [8. С. 179]. У. Рольф, не фиксируясь на толерантном профессоре из «Апологии истории», создает образ настоящего профессионала, вынужденного стать военным, который, как журналист под бомбежкой, несмотря на кошмар происходящего, пытается делать свою работу. Более того, ему доверено и он берет на себя право «осуществлять правосудие» над современниками на том основании, что «он понял историю своей страны своим разумом, как и своим сердцем» [8. С. 46].

Как видно из приведенных выше примеров, многоплановая личность Марка Блока, поделенная на ипостаси ученого и гражданина, профессора и капитана армии, не оставляя в целом впечатления двойственности, явно противится процедуре канонизации.

Между тем дебаты с привлечением памяти Блока приобретают еще и широкое общественное звучание. Образ Марка Блока качественно трансформируется, «в середине 1990-х годов кристаллизуется его превращение в гражданскую фигуру, поскольку он меняет регистр, покидая исторические словари, тень амфитеатров, ссылок внизу страницы ради колонок «Monde», «Nouvel Observateur», и «Dernieres Nouvelles d'Alsace» [4. С. 43]. Этот новый статус имел к книгам ученого весьма опосредованное отношение, собирая воедино несколько политических озабоченностей современной Франции.

Первая из них оказалась связана напрямую с проблемой франко-германского сотрудничества в частности и европейской интеграции в целом. 6 мая 1994 г. две трети совета администрации только что открытого универси-

тета гуманитарных наук в Страсбурге проголосовали против присвоения университету имени Марка Блока. Никто из них не мотивировал свой отказ, но стало известно, что накануне голосования распространялись анонимные листовки антисемитского содержания [24. С. 42]. Ассоциация Марка Блока обратилась в суд, университет в Страсбурге при участии студентов и преподавателей в итоге получил имя ученого, а на страницах газет развернулась дискуссия. «Маленький человек в круглых очках» раздражает спокойствие тех, – писала газета «Monde», – кто желает построить франко-германское сотрудничество на забвении». Далее последовала волна наименований в честь Блока исследовательских центров в Германии и США, улиц и школ во Франции. Эта «жестокая блокация» проходила при минимальном участии ассоциации Марка Блока, занимающейся изучением и распространением его интеллектуального наследия, став результатом стихийно возникшего сразу в нескольких странах общественного повеврия.

Затем Марк Блок стал символом политической организации, заявившей о себе в марте 1998 г., которая призвала сплотиться всех сторонников «республиканского права» перед угрозой глобализации и политического разложения, чреватых новым «странным поражением» Франции. Проблемы поиска и определения новой национальной идентичности Франции в условиях кардинально меняющегося мира, усиленные недавними исследованиями отношений власти и политики в ученом сообществе, также вывели публицистику на дискуссии о социальном поведении интеллектуалов в кризисной ситуации. В частности, не был обойден вниманием «синдром Виши», проявившийся, в ситуации личного выбора, конформизмом Люсьена Февра и героизмом Марка Блока [4. С. 37–42]. Французское общество ищет среди выдающихся людей еще такого близкого и уже такого далекого XX в. модели поведения, достойные стать примером. «И Марк Блок, очевидно, находится на пересечении дорог, человек без родины, погибший как партизан, абсолютный ученый, покинувший армию критики ради критики армий, ...примиривший в себе ученого и гражданина» [4. С. 49].

Что же можно вынести за скобки столь разных модальностей современных обращений к Марку Блоку? Где будут обнаружены те границы понимания, что приведут к новым научным парадигмам, помогут выстроить «правильные» траектории карьеры, честно обосновать лимиты специальностей и правила профессиональной конкуренции, обрести новые качества цельности национальных характеров? Единственный пока ответ, невозможно ясный, но трудно поддающийся формулам языка, – поразительная для историка судьба «маленького человека в круглых очках», одна из многих загадок прошлого века, и его книги, дающие возможность неторопливо, вероятно, со множеством повторов и преувеличений, размышлять о том, что действительно важно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Herubel Jean-Pierre V.M. Annales historiography and theory. A selective and annotated Bibliography. Westport, Connecticut, London: Greenwood Press, 1994. 176 p.
2. Burguière André. Histoire d'une histoire: la naissance des Annales // Annales: ESC, 1979. Nov.-dec., № 6.
3. Revel Jacques. Histoire et sciences sociales: les paradigms des Annales // Annales: ESC, 1979. Nov.-dec., № 6.
4. Dumoulin Olivier. Marc Bloch. Paris: Presses de la formations nationales des sciences politiques, 2000. 332 p.
5. Duby George. Preface dans Bloch Marc. Apologie pour l'histoire ou métier d'historien. Paris: Armand Colin, 1974. 168 p.

6. *Le Roi Ladurie Emmanuel*. Le territoire de l'historien. Vol. 2. Paris: Gallimard, 1978. 449 p.
7. *Burguière André*. L'aventure des Annales: Histoire et ethnologie // Hésiode. Cahiers d'ethnologie méditerranéenne. 1991. № 1.
8. *Noiriel Gérard*. Sur la «crise» de l'histoire. Paris: Ed. Belin, 1996. 348 p.
9. *Mann Hans Dieter*. Lucien Febvre: la pensée vivante d'un historien. Paris: A. Colin, 1971. 191 p.
10. *Bloch Etienne*. Marc Bloch (1886–1944): une biographie impossible... Limoges : Culture et patrimoine de Limousin, 1997. 152 p.
11. *Fink Carole*. Marc Bloch: a life in history. Cambridge, New York, Port Chester, NY: Cambridge University Press, 1989. 371 p.
12. *Le Goff Jacques*. Preface dans Bloch Marc. Apologie pour l'histoire ou métier d'historien. Paris: Armand Colin, 1993. 223 p.
13. *Passés récomposés*. Champs et chantiers de l'Histoire / Dirigé par Jean Boutier et Dominique Julia. Paris: Ed. Autrement, 1995. 350 p.
14. *Prost Antoine*. Douze leçons sur l'histoire. Paris: Editions du Seuil, 1996. 342 p.
15. *Weber Max*. Le Savant et le politique. Paris: Plon, 1959. 230 p.
16. *Oexle Otto Gerard*. Marc Bloch et la critique de la raison historique dans Marc Bloch aujourd'hui: histoire comparée et sciences sociales textes réunis et présentés par Hartmut Astma et André Burguière. Paris: Ed. de l'Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales, 1990. 455 p.
17. *Weber Max*. Essais sur la théorie de la science. Paris: Plon, 1962. 544 p.
18. *Noiriel Gérard*. Le statut de l'histoire dans Apologie pour l'histoire // Cahiers Maec Bloch. Bulletin de l'association Marc Bloch. 1997. № 5.
19. *Carrard Philippe*. La Poétique de la Nouvelle histoire (le discours historique français de Brodel à Chartier). Paris: Ed. Payot Lausanne, 1998. 256 p.
20. *Bloch Marc*. Apologie pour l'histoire ou métier d'historien. Paris: Armand Colin, 1993. 223 p.
21. *Annales: ESC*. Histoire et Sciences sociales: Un tournant critique? 1989. №6.
22. *Rousso Henry*. La hantise du passé: entretien avec Philippe Petit. Paris: Textuel, 1998. 143 p.
23. *Raulff Ulrich*. De l'origine à l'actualité. Marc Bloch, l'histoire et le problème du temps présent; Bibliothèque historique de la Ville de Paris, 11 octobre 1996. Sigmaringen: Thorbecke, 1997. 48 p.
24. *Cahiers Marc Bloch*. Bulletin de l'association Maec Bloch. 1995. № 2.

Статья представлена кафедрой истории древнего мира, средних веков и методологии исторического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «История» 20 ноября 2003 г.